

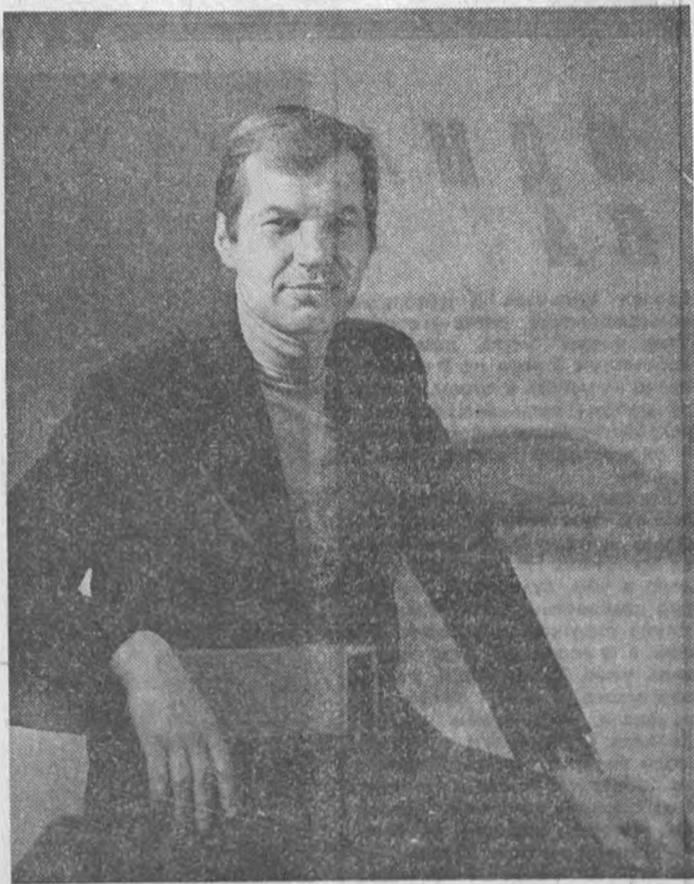
ОН РОДИЛСЯ в Перми и прожил здесь свои первые двадцать пять лет. Детство его пришлось на военную, а юность на послевоенную пору — времена «трудные». И ныне он, пожалуй, уже не вспомнит, как и почему зародилось желание стать артистом. Не объяснишь это, скажем, впечатлением от спектаклей (в Пермь был эвакуирован Ленинградский театр оперы и балета), хотя, конечно, театр завораживал. Но не один же он восторгался театром. И не один он выступал с концертами в госпиталях, и радость, с какой раненые встречали несовершеннолетних актеров, распределялась поровну на всех. И не было среди сверстников-приятелей никого, кто, просмотрев какой-либо из редких в то время фильмов, не пытался бы пересказывать его, «проиграть» несколько ролей кряду. Но прошли годы, и, когда в середине пятидесятых Георгий Бурков, вйдя с юридического факультета, заявил, что поедет в Москву учиться на артиста, мало кто его понял. Хорошо еще, что родители, хотя и переживали, конечно, но относились к его намерениям серьезно, не сочли их ни прихотью, ни причудой.

Ныне по работе Бурков довольно часто встречает тех, кто некогда не принял его ни на один из многочисленных актерских факультетов Москвы. Теперь-то они легко находят общий язык. Почему же, несмотря на все усилия, он тогда так и остался в абитуриентах? Видимо, потому, во-первых, что любой экзамен, а актерский тем более, — всегда немножко лотерея, должно и повезти. Во-вторых, он не подходил ни под один из привычных типажей: ростом — главный герой, этникой трагик Несчастливцев, а манерой держаться — скорее комик — Аркашка Счастливец. Но главное, как говорит он сам, было в том, что перед приемными комиссиями Бурков играл «кого-то», кому-то подражал, копировал, нет, не конкретного артиста, а кем-то уже созданный типаж, не мог не копировать, пусть даже непроизвольно... Но именно это ему и было абсолютно противопоказано с самого начала.

На экране Бурков создал свой тип, своего героя. Его герои, казалось бы, очень разные, даже когда по сценарию их возраст и деятельность схожи, объединены меж собой внутренним родством. Вот он играет солдата, выходящего из деревни, в картине «Кадкина всякий знает», в фильмах «Они сражались за Родину», «Пани Мария»; а вот «уголовников» в «Печках-лавочках», «Калине красной», в «Подранках»; он же милиционер с вечно заклеенными пластырем или перебинтованными ранами («след бандитской пули») в «Стариках-разбойниках»; и мелкие служаче из «Зигзага удачи» и «Гаража» — опять-таки он же.

Его герои — это словно бы разные портреты одной кисти, где художник сознательно подчеркивает сначала общие (и близкие ему) черты, а потом уже сквозь них начинает проступать индивидуальный характер каждого. Какой бы ни была роль Буркова, персонаж его сначала предстает перед нами «своим парнем», который хоть и простак, но до всего дошел своим умом, знает, что почему, и его нелегко переубедить; он веселее, балагур, но в то же время и упрямец, и горд по-своему. Это как бы врожденные, генетические, наследственные черты его персонажей, и от них уже ведется строение характера любого из бурковских героев.

В «Иронии судьбы» его умение быть «душой компа-

люди искусства

ЭТИ РАЗНЫЕ БЛИЗКИЕ РОЛИ

Е. СЕРГЕЕВ

нии», его упрямство оправдывают всю невероятность завязки фильма, не будь их, едва ли тихий и скромный врач Лукашин напился бы в бане, едва ли он затем попал бы в Ленинград. То же упрямство да плюс еще фамильная гордость так и клопочут в Женихе из чеховской сценки «Предложение», который до сердечного припадка, до паралича готов спорить, что Воловы Лужки принадлежат ему и что его пес Угадай лучше какого-то Откатая.

А в экранизации другого чеховского произведения, в «Степи», из тех же черт вырастает совершенно иной характер, и упорная настойчивость, с какой герой Буркова насаждает на джунгли обзона «Зачем ужика убил?», рождена убеждением в неприкосновенности природы, в том, что только через благоговение перед всем живущим человек становится человеком. А в Сашке Копытовском из фильма «Они сражались за Родину» преобладает другая грань того же характера — компанейскость. Копытовский вовсе не трус, но он не умеет, просто органически не может в одиночку ни песню петь, ни жизнь прожить, ни враг не страшен, и смерть красна, и любая беда не беда, лишь бы свои рядом, тут он моментально оживает, начинает балагурить, подтрунивать и над другими, и над собой. Как ни парадоксально, но похожими чертами наделен и характер главаря банды Губошлепа в «Калине красной». Лицо его не исказится зверской гримасой, даже когда пырнет он ножом Прокудина, а за секунду перед этим он еще выглядит «своим парнем», еще не прочь пошутить. Тем и страшен, что на вид вполне человек. И, вероятно, именно его простецкая внешность, его улыбочивость, его упрямство и привлекли к нему когда-то Егора Прокудина.

Свой типаж, своего героя актер нашел не сразу. После

провала на экзаменах он поступил в труппу березниковского театра. В этот период жизни в Буркове открывается какая-то неутомимая жажда к чтению, знаниям. Похоже, что по инерции он осилил даже больше, чем требовал вузовский курс. А вот в театре поначалу ничего не ладилось. Выходил в массовках, подавал изредка голос из второго ряда и грешным делом стал подумывать, что может и впрямь не его это ремесло, может, и впрямь нет данных. Ведь уже за двадцать пять лет перевалило, другие в его возрасте по несколько больших ролей сыграли в кино, уже улыбаются с журнальных обложек, о них написаны десятки рецензий, а он не удостоился даже отдельной строчки в местной афише.

Но однажды (в любой творческой судьбе есть этот миг) ему в очередном спектакле поручили роль. Конечно, третьестепенную, но все-таки самостоятельную. Репетировал. Старался. Ничего не получалось. Но тут режиссер успокоил его самым неожиданным способом. Работай, мол, и не переживай, а если не выйдет, то роль эту мы просто вынем из пьесы, и перед публикой ты не опозоришься. Ободренный таким образом Бурков действительно успокоился и вот тут-то вспомнил одного из своих пермских соседей. Вспомнил его оскану, его манеру говорить, его походку, когда направлялся он через двор мимо них, мальчишек, увесившихся на поленище. Вспомнил, вывел его на сцену — и все стали поздравлять с удачей.

Бурков говорит о том, что порой он чуть ли не физически ощущает существование живого прототипа своих героев. Получая роль, говорит актер, он примеряет ее не на себя, а на «него». «Он» переходит из картины в картину, и у «него» сложилась уже своя экранная биография. Это отчасти напоминает судьбу фольклорного персонажа,

пу, допустим, солдата, который коцует из сказки в песню, из поговорки в притчу, который может не только супы из топоров варить и шилом бриться, но порой способен и опростоволоситься, и согрешить, который внутри сказки под финал может и разбогатеть (но кулцом не станет), и на царевой дочке жениться (но принцем-наследником тоже не делается), но главное, в начале любой следующей сказки он опять солдат, опять нищ, весел, смекалист. Так и бурковский типаж в начале каждого нового фильма — веселый, упрямый, компанейский простак, а как он себя поведет дальше, фильм покажет.

Оказывается, всякую очередную новую роль актер стремится связать с предыдущей.

— Ну вот, например, — поясняет Бурков, — по сценарию мне надо узнать, сколько стоит картошка. Что в таком случае сделал бы я лично? Просто подошел бы и спросил: почему, мол, картошка. А «он» — нет. Он — другое дело — глядите...

Тут как-то незаметно и почти неувидимо меняется лицо актера, он приглаживает волосы тем жестом, каким в конце сороковых — начале пятидесятых ребята-сорванцы поправляли оползающие на глаза косые чубчики, и, словно подходя к торговке и глядя не на нее, не на «товар», а больше по сторонам, приценивается: «Почем нынче картошечка?»

Импровизированный этюд длится буквально секунды. Но ясно, что «ему» отлично известна настоящая цена, и «он» просто интересуется, сколько заломит «хозяйка»; да и вообще, похоже, подошел «он» не ради покупки, а то ли побалагурить, душу отвести, то ли затеять разговор, то ли разузнать что-то между делом.

— В последние годы, — говорит Бурков, — все чаще не я, а «он» выбирает роли, соглашается или отказывается от съемок.

Любопытная, право же, ситуация: актеру Георгию Ивановичу Буркову интересно и с чисто профессиональной точки зрения полезно было бы сыграть какую-то неожиданную роль, создать непривычный для себя и зрителя образ. А вот его герою, его типажу, «ему» это не подходит. А суть, видимо, в том, что Бурков утверждает в искусстве не собственный характер, а как бы является представителем тех людей, среди которых вырос, выступает от имени своих земляков-пермяков, чей собирательный образ и стал его типажом. Он уверенный, как выразились в старину, — вот слово, что кажется мне наиболее точным. Эти-то черты его творчества и позволяют говорить о народности бурковских героев (эпитет, часто употребляемый и критиками, об актере писавшими, и работавшими с ним режиссерами). Думаю, что именно она и привлекла к нему в свое время внимание Василия Шукшина, который тоже был не писателем, а скорее полномочным представителем, поверенным тех, кого изображал и в книгах, и на экране.

Бурков много снимается и у режиссеров, любящих работать с постоянным актерским составом, и у постановщиков, предпочитающих в каждой новой картине менять артистов. Полагаю, что вызвано это не «модой» на него, а тем, что в кинематографе есть осязательная потребность в герое Буркова, в его фольклорности, в его народности.

● Георгий Бурков.

Фото И. Гневышева.